

Двое безрассудных любовников ещё долгое время шумели, и только потом, когда они полностью осуществили все свои желания, заснули в объятиях друг друга.

На сей раз Фэн Мин больше не кувыркался, а послушно устроившись в объятиях Жун Тяня, уснул и проспал почти до полудня. Как только юноша проснулся, Цю Юэ и Цю Син пришли помочь ему переодеться и, улыбаясь, перешёптывались:

— Неизвестно, как прошла ночь Цю Лань.

— Ты не знаешь, что ожидает тебя в комнате новобрачных?

— Негодная Цю Юэ, смотри, не то я ударю тебя!

Фэн Мин взглянул на шумных сестёр и, прикрепив яшмовую подвеску себе на пояс, беспомощно пробурчал:

— В следующий раз больше не буду пить вина. Всегда просыпаюсь с похмельем, и всё так болит. А в этот раз вообще чувствую себя сквернее некуда, не только голова болит, но и во рту кисло. — Он, словно что-то почувствовав, поднял голову и с сомнением посмотрел на Жун Тяня: — Чего это ты так странно смеёшься?

— Смеюсь и смеюсь, что в этом странного? — Жун Тянь, конечно же, не мог рассказать ему о событиях прошлой ночи и, украдкой улыбаясь, повернул голову, делая вид, что любит пейзажем.

Пока они говорили, внезапно раздался звук шагов.

Цю Юэ состроила гримасу:

— Конечно же, это Ле-эр. Этот парень даже ходить нормально не может, вечно идёт вприпрыжку.

Девушка оказалась права, и вскоре за дверью показался Ле-эр, который словно увидел нечто интересное и с очень зловредной улыбкой сообщил:

— Этот Ле Чжунлю снова наделал хлопот, с утра пораньше отправившись обижать новобрачных.

Фэн Мин остолбенел:

— Что случилось?

— Ле Чжунлю вчера же согласился помочь Цю Лань нарисовать картину? А сегодня он действительно отправился к ним и стал стучать в дверь, предлагая свою помощь.

— Получилось не очень некрасиво? — с любопытством спросила Цю Юэ.

Неизвестно, что нарисовал мужчина, но как только Ле-эр вспомнил об этом, тотчас же рассмеялся, схватившись за живот, а Жун Тянь, понизив тон, сдержанно сказал:

— Сначала прекрати смеяться и ясно всё расскажи.

Ле-эр немного успокоился и, высунув язык, проговорил:

— Его картина не получилась некрасивой, наоборот, очень реальной. Даже маленькие прыщи на лице Цю Лань, и след от зубов на мочке, оставленный Жун Ху вчера, всё это запечатлено. Обычно художник всегда немного приукрашивает. У Цю Лань нос несколько плоский, поэтому предыдущий художник специально рисовал его немного выше. А Ле Чжунлю, подлец, как раз наоборот, нарисовал его таким, какой он есть. Цю Лань, когда увидела картину, чуть не расплакалась.

Только после этого все всё поняли.

— Ещё бы! — Цю Юэ, нахмутив брови, сказала: — Кто же не хочет, чтобы портрет девушки получился красивым? Этот Ле Чжунлю, чтоб ему пусто было, нарисовал плоский нос и прыщи Цю Лань.

Жун Тянь задумчиво спросил:

— Картина по-прежнему у Цю Лань?

Ле-эр с жаром ответил:

— Поскольку Цю Лань была уязвимой, я забрал её, чтобы как раз показать государю и князю Мину. — Сунув руку за пазуху, юноша вынул картину.

Все столпились посмотреть. Увидев этот портрет, Фэн Мин с изумлённым вздохом проговорил:

— Это прямо как фотография. Кто бы мог подумать, он и настоящая Цю Лань похожи как две капли воды.

— Но здесь ещё нарисованы маленькие прыщи, слишком некрасиво, — возмущалась несправедливостью Цю Син от имени Цю Лань. — Неудивительно, что его никто не нанимает

на работу. Из-за такой мазни он и терпит побои целыми днями.

Жун Тянь, ненадолго задумавшись, внезапно проговорил:

— Позови Цзы Янь.

Вскоре, следуя за Ле-эром, пришёл Цзы Янь.

Жун Тянь спросил его:

— Чем занят Ле Чжунлю?

— Что-то рисовал, а потом, когда на него посыпались проклятия, убежал на палубу, где сидит, бездумно уставившись в одну точку. Государь хочет, чтобы я привёл его сюда?

— А где он спит?

— Он и Ваш подчинённый спят вместе в маленькой комнате. На корабле много людей, поэтому приходится делить каюту с кем-то.

Жун Тянь не знал, на что решиться, обвёл взглядом помещение и, словно приняв окончательное решение, обернулся и приказал Цю Юэ и Цю Син:

— Идите и приберитесь в другой комнате.

— Хотите поселить туда Ле Чжунлю?

— Нет, там поселятся император и князь Мин, — сказал Жун Тянь. — А Ле Чжунлю будет жить в этой комнате.

— Что?

— Государь...

— Не нужно докучать болтовнёй, это приказ императора. Приказываю абсолютно всем проявлять почтение к Ле Чжунлю и запрещаю обижать его. Ослушавшегося ждёт смерть, — строго проговорил Жун Тянь. — Цзы Янь, потом принеси Ле Чжунлю другую одежду, и чтобы он ни пожелал, ты исполнишь всё.

Цзы Янь хмуро проговорил:

— Ему вчера понравились чёрные яшмовые чашечки... Только, мне показалось, что они ему нужны были лишь для выпивки.

— Те чёрные яшмовые чашечки? — завопил Фэн Мин, бесконечно оцепенев.

У этого человека чудовищный аппетит.

Однако даже обычная императорская семья не смела мечтать о такой вещице.

Жун Тянь тоже невольно замер и после долгого молчания проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Скажите Ло Дэну, пусть он достанет и подарит их ему. — Обратившись к Фэн Мину, шёпотом сказал: — Фэн Мин....

Князь махнул рукой и, не позволяя мужчине договорить, решительно сказал:

— Что и говорить, всё моё — твоё. Пусть возьмёт.

— Ты действительно чуткий.

На что Фэн Мин соорудил ему гримасу:

— Я знаю, что ты никогда не делаешь ничего зря.

В тот же день указ императора был выполнен: сменить комнату — сменили, поменять кровать — поменяли, кроме того, спешно позвали служанок, чтобы сшить одежду для Ле Чжунлю. Однако сам мужчина, наоборот, вместо того, чтобы проявить тактичность, отнёсся к такой огромной милости, как к должному.

Поняв, что может требовать всё, что пожелает, Ле Чжунлю с напыщенным видом отправился вместе с несколькими охранниками к каюте, где хранились драгоценности и золотая утварь, и потратил больше часа, выбирая различные драгоценные безделушки, которые потом отнёс к себе в комнату.

Затем он потребовал подать разнообразную еду, и кухарка, что была на борту, руководствуясь списком блюд, написанным его рукой, приготовила её.

Не прошло и дня, а он уже успел ввести всю армию в хаос. Схватив Мянью Я, главного телохранителя, который прислуживал лишь Жун Тяню, и который так удачно попался ему на глаза, мужчина попросил его показать какое-нибудь представление, чтобы развеять скуку.

Когда было время третьей ночной стражи[1], Ле Чжунлю внезапно, найдя в углу кем-то оставленную цинь, стал дёргать за струны, заполняя тишину противным, словно плачь дьявола, звуком, который не позволял никому уснуть.

Душу охватил страх, когда Фэн Мин услышал идущий от окна очень неприятный звук. Безысходно и в то же время счастливо, юноша вздохнул:

— Хорошо, что мать[2] императора плывёт не с нами. Иначе почтенная матушка тоже не знала бы покоя.

Жун Тянь из-за шума также не мог уснуть, однако мирился с этим и, спокойно сев на кровати, приблизился сзади к сидевшему у окна Фэн Мину:

— У тебя достаточно много терпения. Я полагал, что ещё до третьей ночной стражи ты, не стерпев, обязательно спросишь меня, почему я захотел переманить на свою сторону Ле Чжунлю.

Фэн Мин поморщил нос:

— Пф, зачем обязательно спрашивать? Разве я сам не могу найти ответ на этот вопрос?

— Э? А какой ответ ты уже нашёл?

— Ты переманил на свою сторону Ле Чжунлю, естественно, из-за его умения рисовать. — Проснувшись в полдень, Фэн Мин начал размышлять над этим вопросом и, уже имея в голове готовый план[3], ответил: — Этот человек как ручной фотоаппарат, который, увидев какую-нибудь вещь, может с особой тщательностью изобразить её. Это является необычайно важным умением. Если ты сможешь переманить его на свою сторону, то в крайнем случае после приказа о розыске серьёзного подозреваемого портрет, размещённый по всей стране, поможет любому расследованию с гарантируемой безупречностью. Ну, как, я правильно предположил? Не нужно считать, что только ты можешь видеть в людях таланты, я, князь Мин, тоже не из слабаков.

Жун Тянь посмотрел на щёчки развернувшегося и довольного Фэн Мина и, не сдержавшись, прижался к его губам, со смехом говоря:

— Из-за его картин мне захотелось переманить его на свою сторону. Только предположения князя Мина не совсем верны.

— Э? Я где-то ошибся?

Жун Тянь повёл себя необычайно гадко. Неожиданно отказав раскрыть тайну, он специально решил поменять тему разговора и, посмотрев в окно, хмуро произнёс:

— Игру Ле Чжунлю на цитре действительно неприятно слушать. Кажется, сегодня ночью никто не уснёт.

— Жун Тянь, ты всё ещё не ответил на мой вопрос.

— Подойди и ляг, тогда отвечу. — Мужчина обнял Фэн Мина, возвращая его в постель, и, забравшись с ним под одеяло, с недобрый смехом проговорил: — Я удовлетворю твоё любопытство, однако, само собой разумеется, должен получить какую-нибудь выгоду.

Пока Фэн Мин не успел опомниться, Жун Тянь уже крепко обнял его и приступил к ласкам.

Пояс уже был развязан, а горячий, наливающийся кровью член был стиснут в ладони, в одно мгновение усиливая сердцебиение Фэн Мина.

— Развратник! — неловко выругался юноша.

— Приласкай меня своими прекрасными ручками. Ты будешь ласкать, а я — говорить, — беззастенчиво рассмеялся Жун Тянь. — Достоинство императора Силэй толстое и большое, это отличная игрушка, разгоняющая тоску долгой ночи, и она очень любима князем Мином.

Не выдержав его бесстыдных слов, юноша чуть не спрыгнул с кровати и не спрятался под неё, краснея:

— Кто сказал, что он любим князем Мином? — спросил он, и член, который был зажат в ладони, внезапно зашевелился, словно готовый в любой момент выскользнуть из его ладони, а юноша, испугавшись, тотчас же сжал его обеими руками.

От прикосновения к такой внушающей страх пульсирующей и жаркой плоти, по обычно сдержанному любимому телу Жун Тяня тотчас же разлилось нестерпимое чувство онемения.

Дыхание Фэн Мина становилось сбивчивым, и юноша склонил голову к груди Жун Тяня, не позволяя тому увидеть его смущённое лицо.

Мужчина, получая наслаждение от маленьких ручек Фэн Мина, которые неспешно скользили по его возбуждённому достоинству, обнажил недобрую улыбку и прошептал:

— Если внимательно присмотреться к картинкам Ле Чжунлю, то сразу же можно увидеть его отточенное мастерство, каждый штрих выполнен уверенно и точно.

Фэн Мин, чуть ли не изо всех сил ласкавший набухшую и пылающую жаром плоть, ещё откуда-то находил силы вникать в посторонние темы. В данный момент неплохо справляясь с собственным румянцем и унимая бешеное сердцебиение, он небрежно ответил:

— Я сразу сказал, что он хорошо рисует. — Сердце забилося слишком быстро, а с губ, не сдержавшись, сорвалось тяжёлое дыхание.

Жун Тянь, глядя на лицо Фэн Мина, сдерживал смех до боли в животе и, наконец вытянув руки, обнял юношу, ещё теснее прижимая к себе:

— Оставим в покое этого Ле Чжунлю, лучше займёмся более приятными делами. — И, разорвав изысканные штаны, мужчина кончиком пальца коснулся дырочки.

Уже давно возбуждённый член совершенно не выдержал искусных ласк Жун Тяня. Когда ноготь нежно царапал скрытое отверстие, показалось, что по талии и по спине прошёлся лёгкий электрический ток.

Фэн Мин стал тихо постанывать.

Побеспокоенный звуками цитры Ле Чжунлю, Жун Тянь, по-видимому, решил не ложиться спать. Поглаживая орган, который до этого был во власти Фэн Мина, и в то же время неторопливо лаская член самого юноши, мужчина проговорил:

— Сколько раз сегодня приласкать князя Мина? Если слишком мало, то он будет не удовлетворён, а если слишком много, то, боюсь, рана князя Мина не заживёт.

Князь, подвергшись его жару, воспротивился, хаотично дыша:

— Может, я приласкаю тебя?

— Ты даже спину ровно держать не можешь. Как же ты справишься? — взглянул на него Жун Тянь, обнажая соблазнительную улыбку. — Давай ты позволишь мне посмотреть, насколько распалится твоё тело.

В серебряном свете луны чёрные локоны волос были потревожены речным дыханием ветра, глаза Жун Тяня сияли словно звёзды, а улыбка была особенно сексуальной и соблазнительной.

В одночасье Фэн Мин поддался его очарованию, его тело пылало жаром и уже обмякло. Действительно, у него было мало сил на то, чтобы быть сверху, к тому же крепкие любовные объятия Жун Тяня тоже были хороши. Больше не настаивая, юноша пробормотал:

— Не причиняй мне боли...

— Я непременно позволю князю Мину испытать удовольствие!

Жун Тянь сильно обрадовался и уже готов был полакомиться «деликатесом», как за дверью внезапно раздались шаги, разрушающие чудесную атмосферу.

— Государь, Ваш слуга пришёл доложить, — вновь донёсся из-за двери строгий голос Цзы Яня.

Словно волна холодной воды окатила расгорячённые тела любовников.

Почему этот парень каждый раз появляется в столь ответственный момент?

На лице Фэн Мина и Жун Тяня появилось одинаково-страдальческое и безысходное выражение.

Возбуждённый член Жун Тяня начал изнывать от боли и, лишь желая немедля отослать молодого генерала прочь, мужчина обратился к стоящему за дверью Цзы Яню:

— Сколько Ле Чжунлю нравится бренчать, пусть столько и бренчит, всё зависит от него. В будущем с подобными делами нужно будет поступать так же. Незачем по пустякам приходить и беспокоить императора.

— Докладываю государю, это дело не касается Ле Чжунлю. — И Цзы Янь через дверь доложил:
— Впереди под водой реки Оман, кажется, есть препятствие. Если поплывём дальше, можем сесть на мель.

— Э? — Осознав свою ошибку, Жун Тянь и Фэн Мин переглянулись, понимая, что сегодняшним вечером им не суждено развлечься. Мужчина вынужден был подняться, завязать пояс и накинуть на плечи верхнюю одежду.

— Цзы Янь, войди.

Слуга, только толкнув дверь, вошёл.

В общих чертах рассказав о непроходимом месте, Цзы Янь обратился к Жун Тяню:

— И в самом деле необычно. В это время весны от тепла снег тает, а Оман большая река и её уровень должен быть достаточно глубоким, чтобы позволить нашему кораблю проплыть любые мелкие препятствия. Мне кажется, вероятнее всего кто-то специально подстроил это.

Только обсудив полученное известие, за дверью раздались ещё шаги, как оказалось, это были Ле-эр, Жун Ху и Ло Дэн. Остальные тоже получили новости и теперь один за другим спешили, чтобы выслушать дальнейшие распоряжения.

Поприветствовав Фэн Мина так, как приветствовали его предки, Ло Дэн обратился к Жун Тяню:

— Как только я услышал, что впереди показалось какое-то препятствие, сразу же отправил двух очень опытных пловцов, чтобы они нырнули и всё проверили. По их словам, этот участок реки Оман завален огромными камнями, а наш корабль сидит глубоко и камни могут поцарапать его днище, поэтому нет возможности пройти.

Жун Тянь спросил:

— Сколько потребуется времени, чтобы убрать камни?

— По меньшей мере это займёт два-три дня, — Ло Дэн смутился. — Чтобы навести порядок под водой и на воде, пловцам необходимо задерживать дыхание, тем более на дне реки каменные глыбы. Иначе наш корабль сядет на мель.

Ле-эр заспорил:

— Это наверняка проделки нового наследного принца Юньинь — Юн Цюаня, подлеца. Он всегда вёл дружбу с Тун Сяоцзы, а когда тот вступил на престол, он специально отправил своих людей с поздравительными подарками. Кажется, он боится возвращения государя к власти, так как Ваше Величество будет искать мести, поэтому и объединился с Тун Сяоцзы, стараясь остановить Ваше возвращение в Силэй.

— Пока не стоит обращать внимание на Юн Цюаня. — Жун Тянь подошёл и посмотрел на Фэн Мина: — Фэн Мин, ты знаешь, как сейчас стоит поступить?

Князь как раз спешно поднялся с кровати, на нём было впопыхах накинутое длинное верхнее платье, скрывавшее нижнюю одежду, а длинные полностью распущенные волосы плавно ниспадали на плечи, делая его изящнее, чем обычно. Услышав вопрос Жун Тяня, юноша, задумавшись, проговорил:

— Река большая и глубокая, и убрать камни будет совсем непросто. Увы, невысокоразвитая связь затрудняет положение, если бы существовало летающее... кхэ-кхэ... то... не лучше ли нам покинуть корабли и сойти на берег? — и невольно с сожалением вздохнул.

С большим трудом едва поднявшись на борт, он предполагал, что можно несколько дней неспешно наслаждаться путешествием, но никак не ожидал, что все планы рухнут так скоро.

Цзы Янь, подумав, с благоговейной душой ответил:

— Не хочу возражать князю Мину, однако здесь горные лесные чащи, подниматься спозаранку и идти будет крайне затруднительно.

Жун Тянь сказал:

— Возьмите карту и принесите сюда.

Ле-эр поспешно исполнил приказ, достал карту и разложил её на столе. Группа подошла и стала изучать маршруты.

— Мы сейчас здесь. Если пойти вниз по реке, то тут можно сойти на берег и без труда добраться до Сицинь. Однако если сойдём с корабля здесь, то эта часть дороги реки Оман безлюдная, представляющая дикий горный край, да и по дороге можно встретить заставу Юньинь. Этот путь и впрямь труднее.

— Ваше Величество, может, лучше задержаться здесь на три дня и, дождавшись, когда путь будет очищен, отправиться дальше?

Все уставились на Жун Тяня, вслушиваясь, какое же решение примет государь.

Уже придумав план, мужчина обнажил лукавую улыбку, приказал слугам подать кисть и тушь и, подозвав Фэн Мина к себе, заскользил кистью по его мягкой ладони. Кроме юноши никто не знал, что было там написано.

Особо любопытный Ле-эр вытянул шею, желая всё рассмотреть, но Жун Тянь хотел, чтобы Фэн Мин сжал ладонь, и, окинув всех взглядом, рассмеялся:

— Я уже написал своё решение Фэн Мину на ладони. Только перед тем, как расскажу вам, мне нужно узнать мнение ещё кое-кого. Цзы Янь, пойдёшь и сообщи обо всём Ле Чжунлю. Спроси, что он думает по этому поводу.

Цю Юэ, как и другие, услышав имя Ле Чжунлю, закатила глаза и только при государе не осмелилась что-либо сказать.

Цзы Янь, получив приказ, вышел и вскоре вернулся доложить:

— Ле Чжунлю выслушал и, даже ничего не обдумав, сразу же сказал высаживаться на берег. Ещё он сказал, что, если Его Величество не сделает этого, в таком случае пусть позволит ему одному покинуть корабль.

Жун Тянь послушал и сдержанно улыбнулся.

Фэн Мин с волнением проговорил:

— Действительно всё, как ты и предполагал. — И юноша раскрыл ладонь, показывая всем написанные до этого Жун Тянем несколько слов «высадиться на берег».

Мужчина произнёс:

— Убирать камни на реке поистине напрасный труд. Река Оман такая длинная, что в любом месте могут вновь оказаться каменные насыпи, и нам, чтобы вытащить их из воды, в сравнении с противником придётся потратить очень много сил и времени. Даже если мы на этот раз уберём насыпь, впереди, наверняка, появится ещё одна, чтобы задержать нас. Таким образом, наше местоположение будет как на ладони, и враг может заранее рассчитать наш маршрут, что нам не особо выгодно.

Только сейчас Фэн Мин всё осознал.

А вот Жун Ху всё ещё не понимал:

— Государь, раз Вы уже давно решили и даже отдали приказ высадиться на берег, отчего тогда придавать значение мнению Ле Чжунлю?

Все на корабле, побеспокоенные игрой Ле Чжунлю на цитре, были крайне разгневаны, особенно Цю Юэ и Цю Син, у которых от шума глаза были красными. Никто не понимал, почему Жун Тяню так важно мнение этого человека. В кои-то веки Жун Ху набрался смелости задать вопрос, и тотчас же все посмотрели на Его Величество, внимательно слушая его.

Жун Тянь, перед тем как ответить, спросил Ле-эра:

— Портрет Цю Лань всё ещё у тебя?

— Да. — И юноша вытащил его.

Эту помощь можно назвать «шедевром» живописи, который Цю Лань категорически отказывалась принимать, и который, попав в руки непослушного Ле-эра, был продемонстрирован всем, кто был на корабле.

— Фэн Мин, ты ещё помнишь, что я тебе говорил?

— Угу, — юноша кивнул и, подойдя ближе, шёпотом сказал: — Ты говорил, что у него отточенное мастерство и каждый штрих выполнен уверенно и точно.

Наклонившись, Цзы Янь взглянул на портрет и одобрил сказанное:

— Верно, судя по росчеркам его кисти, рисует он действительно уверенно и совершенно не вносит изменений. Такая пронизательность на самом деле уникальна.

Даже Ле-эр не стал отрицать:

— У этого человека и впрямь большой талант к рисованию, дарованный Небом.

— Ле-эр ошибается, — серьёзно проговорил Жун Тянь. — Такая пронизательность и манера рисовать вовсе не дарованы Небом, ими как раз можно овладеть. Ле Чжунлю, естественно, очень много учился, оттачивая эти навыки, к тому же, постоянно рисуя, он накапливал умения и в итоге научился создавать такие уникальные картины.

Подвергшись упрёкам императора, Ле-эр не осмелился больше безобразничать и тихо проговорил:

— Хоть люди на его картинах и получаются как две капли воды похожие на настоящих, однако радуются таким картинкам немногие. Во всяком случае, Цю Лань сразу же расплакалась.

— Государь, я всё же не понимаю, почему Вы считаете, что картины Ле Чжунлю уникальны?

Жун Тянь уже хотел было открыть рот, как до уха донеслось тяжёлое дыхание: похоже, кто-то внезапно о чём-то подумал и испытал крайнее потрясение.

Он повернул голову и, посмотрев на причудливое выражение лица Фэн Мина, приподнял бровь:

— Кажется, наш князь Мин уже догадался.

И все слуги уставились на юношу.

Фэн Мин сначала посмотрел на Ле-эра, потом на Жун Ху и, в итоге вздохнув, медленно заговорил:

— Из-за того, что у Ле Чжунлю хорошо получается рисовать не портреты, а топографические карты.

— Верно! — Будучи генералом, Цзы Янь, конечно же, очень хорошо был знаком с топографическими картами, поэтому первый отреагировал, звонко хлопнул в ладоши и взволнованно проговорил: — Лишь при зарисовке рельефов нужна такая детальность и точность. Необходимо прорисовать все горы и реки, отвесные скалы, утёсы, зыбучие пески, впадины и прочее. Ведя бой, генералы должны, полагаясь на топографические карты, выстроить тактический план. Если карта будет неверна, то можно погубить множество солдат.

— В таком случае, когда нам понадобится нарисовать топографическую карту, мы сразу же можем обратиться за помощью к Ле Чжунлю. — Фэн Мин также выглядел крайне взволнованным. — По-видимому, мои сделанные из чёрного нефрита чашечки, что были подарены ему, окупилась.

Но Жун Тянь, покачивая головой, сказал:

— Если бы от него не было пользы, то не стоило сразу же дарить ему эти чашечки. Император ценит его лишь из-за того, что в нём скрыто множество ценной информации о местностях всех существующих государств.

— Откуда тебе знать? — с сомнением спросил Фэн Мин.

На этот раз настала очередь первым отреагировать Жун Ху, и тот с изумлением проговорил:

— Поскольку государь увидел в Ле Чжунлю многолетнего топографа. В стремлении заполучить такой навык ему, естественно, приходилось когда-то рисовать множество гор и рек. То есть он наверняка побывал во множестве государств и к тому же запомнил все рельефы местностей. Небо, если это действительно так, то этот человек ценнее, чем один укрепленный город.

Одной мысли об этом стало достаточно, чтобы взбудоражить кровь.

Ли, Фаньцзя, Юньинь... Во всех этих государствах где-то можно было крайне удобно установить ловушки, где-то грабить и убивать, где-то было стремительное и бурлящее течение, где-то были зыбучие пески.... Это во время войны являлось крайне ценной информацией.

В этой древней эпохе сведения о вражеском государстве были чрезвычайно важными, каждая страна с особой осторожностью защищала собственные земли. Чтобы получить полную топографическую карту одного государства, требовалось тайно посылать бесчисленное количество шпионов, которым пришлось собирать информацию в течение многих лет. Даже нынешние карты других стран, которыми пользовался Жун Тянь, в большей степени были с большим трудом созданы старыми правителями Силэй несколько десятков лет назад, и расположение многих мест было уже не совсем точным.

— Хо-хо, я сразу понял, что ты не ведёшь невыгодных дел, — Фэн Мин очень обрадовался и с силой похлопал Жун Тяня по плечу. — Поздравляю, ты снова получил довольно эффективную поддержку.

Мужчина тихо посмотрел на него, однако без того воодушевления, что охватило многих, и равнодушно посмеялся:

— Сейчас рано говорить, готов ли этот человек встать на мою сторону. Это всё ещё под вопросом.

От сказанных слов императора хорошее настроение неизбежно сошло на нет.

Цзы Янь с изумлением сказал:

— Государь поселил его в своей комнате, подарил драгоценности, которые тот захотел, все относятся к нему с любезностью. Так неужели с ним ещё где-то могут обойтись лучше, чем здесь? Если Ле Чжунлю не выберет сторону государя, тогда его нельзя считать умным человеком.

Жун Тянь очень странно улыбнулся:

— Отложим это дело в сторону. Цзы Янь, прикажи всем собираться, с рассветом мы пристанем к берегу.

— Молодой господин, тогда я...

Фэн Мин мило наклонил голову и, обращаясь к Ло Дэну, радостно хохотнул:

— Тебе и твоим людям не стоит следовать за нами, четыре судна всё же пойдут прежним курсом. Подплывёте к каменному затору, неспеша наведёте порядок, и можно считать, продолжите наслаждаться путешествием по реке Оман. Если кто-то станет препятствовать, ни в коем случае не показывайте свою силу, а ясно скажите, что Жун Тяня и меня нет на корабле. Если они не поверят, пусть поднимутся на борт и всё обыщут.

Повидавший множество ветров и волн Ло Дэн ни на волос не испугался, только поднял подбородок и сказал:

— Будьте спокойны, молодой господин, ещё никто не препятствовал кораблям господина Сяо. Мы являемся благородными торговцами, и пока кто-нибудь из наших людей не коснётся дел чужого государства, никто не посмеет умышленно чинить нам препятствия.

Примечания:

[1]Время с 11 часов до 1 часа ночи.

[2]Почтенное обращение к своим родителям или родителям слушающего.

[3]В оригинале это звучит так: в уме иметь готовый бамбук, прежде чем начать рисовать его; обр. в знач.: иметь ясное представление о способе решения задачи, иметь готовый план в голове, быть в полной готовности.

<http://bllate.org/book/13377/1190192>